

во всех компилятивных древнерусских памятниках о походе 941 г., является той основой, по которой распределялся материал, заимствованный из греческих источников. Эта схема хотя и обросла фразами из греческого повествования, но в обрисовке первого похода Игоря мы не находим никакого доверия греческому повествованию, никакого стремления следовать ему. Шли годы, менялись летописцы, описывавшие походы русских князей, изменялся круг материалов и их группировка, но все русские авторы от древнейших хронистов до Повести временных лет больше доверяли привычной русской схеме похода 941 г., используя византийские источники лишь как дополнительный материал к какому-то русскому источнику. Обильное цитирование византийских источников в русских памятниках не может, на наш взгляд, служить аргументом против этого вывода¹⁸.

Между этой схемой и сведениями, почерпнутыми из греческих источников, имеются противоречия — вот почему русские летописцы, стремясь втиснуть в установившуюся схему построенное по другой схеме греческое повествование о первом походе Игоря, наделали немало ошибок¹⁹, которые помогают нам уяснить, каково было их собственное представление о первом походе Игоря.

Как же все-таки согласовать сообщение русских источников о возвращении русских на родину после первого морского сражения со сведениями греческих источников о продолжении войны в Малой Азии после этого сражения?

Игорь, несомненно, возвратился на родину сразу же после сражения у Иерона. Против этого единодушного утверждения всех русских источников ничего нельзя возразить. Но точно также невозможно опровергнуть и утверждение греческих источников об отходе русского флота к берегам Малой Азии после этого сражения. Очевидно, в сражении у Иерона произошло разделение русского войска²⁰: одна часть во главе с Игорем направилась с европейского берега Босфора на родину, другая двинулась к малоазийскому берегу и воевала там еще три месяца. Это могло быть случайное разделение войска Игоря, вполне понятное в той суматохе, когда охваченные ужасом русские воины искали спасения от неведомого им греческого огня.

Но вполне возможно, что разделения флота и не было: ведь у Игоря в 941 г., кроме флота, было еще пешее войско²¹. В то время, как флот сражался с греками у Иерона, а затем отправился в мелководье Малой Азии, пешее войско могло находиться на суше и громить предместья Константинополя. Это пешее войско, среди которого, очевидно,

¹⁸ Ср. Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952 стр. 167.

¹⁹ Н. Я. Половой. Две ошибки древнейшего русского хрониста. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 139—142.

²⁰ Аналогичная картина, вероятно, была и в 1043 г., когда в сражении у Царьграда тоже произошло разделение русского флота: одна часть его высадилась на европейский берег Черного моря и пешком направилась в Киев, а другая вместе со своими ладьями укрылась в безопасной гавани.

²¹ Греки упоминают только о морской экспедиции русских, тогда как русские источники намекают и на сухопутную (см. Ю. Венелн. Критические исследования об истории болгар. М., 1849, стр. 274). Масуди также подтверждает показания русской летописи, утверждая, что русы «вступили сухим путем во все области Рума» (см. А. Гаркави. Незданное свидетельство Масуди о походе русских на Царьград. — ЖМНП, апрель 1872, стр. 223). Таким образом, имеется достаточно данных, чтобы утверждать, что «Поход 941 г., как и другие походы русских того времени, был комбинацией сухопутным и морским». (М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 141).